

МАШИНА ТЕРРОРА

Как страх становится оружием
и меняет ход истории

и
Максим Рубин

Максим Рубин

**Машина террора. Как
страх становится оружием
и меняет ход истории**

«Автор»

2026

Рубин М.

Машина террора. Как страх становится оружием и меняет ход истории / М. Рубин — «Автор», 2026

Когда происходит взрыв, общество требует ответа: кто виноват, кому верить, что делать? Но поспешный ярлык и паника искажают факты, а решения, принятые в страхе, могут подорвать права и доверие. Книга объясняет, как насилие становится политическим посланием и почему его последствия не предопределены. Вы научитесь отделять факты от подозрений, личную ответственность — от коллективной вины, законную защиту — от злоупотребления. Книга раскрывает роль идеологии, кризиса, вербовки и медиа, помогает оценивать чрезвычайные меры и показывает, что поддерживает людей после атаки. История и разговор о новых технологиях показывают, как меняются угрозы, а механизмы страха сохраняются. Для студентов, журналистов, специалистов и всех, кто хочет понимать терроризм без сенсационности и упрощений. Читатель получит ясную рамку для оценки угроз и решений — и сможет говорить о безопасности, не позволяя страху подменить доказательства и человеческое достоинство.

© Рубин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что такое терроризм: определения, границы и спорные случаи	6
Страх как оружие: логика террора и его политические цели	11
История террора: от древних империй до современного мира	15
Идеология, идентичность и оправдание насилия	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Максим Рубин
Машина террора. Как страх становится
оружием и меняет ход истории

Машина террора: Как страх становится оружием и меняет ход истории
Максим Рубин

Что такое терроризм: определения, границы и спорные случаи

В редакции уже готовится вечерний выпуск. На большом экране — кадры разрушенного входа, рядом открыта карта города. Известно, что произошёл взрыв и есть пострадавшие. Кто его устроил, почему и против кого был направлен — пока не установлено. В черновике заголовок курсор за висает между словами «взрыв», «нападение» и «теракт».

Это не спор о стиле. Одно слово может подсказать читателю, кто здесь преступник, кто — политический противник, а кто — жертва войны. Оно влияет на общественную реакцию, решения властей и, позднее, на то, какие вопросы будут заданы следствию. Но заголовок — ещё не приговор, а ярлык — не доказательство. Чтобы понять, подходит ли слово «терроризм», нужно выяснить, что произошло, кто действовал, на кого было направлено насилие и чего добивались нападавшие.

У слова нет одной границы

У терроризма нет единого исчерпывающего определения, принятого всеми государствами и исследователями. Это не значит, что термин совершенно произволен. Во многих определениях повторяется общий набор признаков: умышленное насилие или угроза им; политическая, идеологическая или иная общественная цель; попытка запугать более широкую аудиторию или принудить власти к решению. Часто в центре оказываются гражданские лица и другие люди, не участвующие в боевых действиях. Но каждое из этих условий вызывает вопросы.

Обязательна ли политическая цель — или достаточно намерения посеять страх? Должны ли жертвами быть гражданские лица? Может ли государство совершить терроризм, или термин относится только к негосударственным группам? Как отличить нападение на военный объект от атаки, рассчитанной на устрашение населения? Ответы различаются в национальных законах, международных документах, академических работах и общественных дискуссиях.

В международном праве сложилась мозаика соглашений о конкретных видах преступлений: захвате заложников, взрывах, финансировании терроризма и других деяниях. Например, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года описывает определённые действия, направленные на причинение смерти или тяжкого вреда гражданским лицам либо другим людям, не участвующим в военных действиях, если цель — запугать население или принудить правительство. Это важная правовая формулировка, но она не является универсальным определением всех возможных проявлений терроризма. Всеобъемлющей конвенции с единым определением, которое приняли бы все государства, нет.

На национальном уровне формулировки тоже отличаются. Например, российская статья 205 Уголовного кодекса связывает террористический акт с действиями или угрозой, устрашающими население и создающими опасность тяжких последствий, а также с целью повлиять на решения органов власти или дестабилизировать их деятельность. Однако даже в рамках конкретного закона обвинению необходимо доказать предусмотренные им признаки. Политическая оценка, подозрение или принадлежность человека к определённой группе сами по себе не заменяют доказательств.

Академический подход обычно стремится выделить повторяющиеся черты явления, не сводя их к одному закону. Общественный и политический язык устроен иначе: слово «терроризм» часто не только описывает действие, но и выражает осуждение, отказывает противнику в легитимности, требует ответных мер. Поэтому полезно различать три вопроса: что произошло фактически; как это квалифицирует применимое право; каким смыслом наделяют событие политики, журналисты и общество.

От государственного террора к современному ярлыку

История самого слова напоминает, что привычная граница между «террористом» и «государством» не была задана раз и навсегда. В политическом языке конца XVIII века террор связывали, в частности, с практикой революционной власти во Франции. «Террор» обозначал государственное насилие, применяемое для подавления противников и удержания власти. Позднее слово «терроризм» всё чаще стали относить к насилию революционных и иных негосударственных групп.

Этот сдвиг не просто историческая подробность. Он показывает, что название может зависеть от того, кто его произносит и с какой позиции. Государство склонно описывать собственные действия через язык безопасности, закона и войны, а насилие противника — через язык преступления и террора. Такая асимметрия не доказывает, что обе стороны одинаковы. Она напоминает о необходимости отдельно оценивать поступки каждой стороны и проверять, какие нормы к ним применимы.

Рассмотрим несколько случаев, где похожие вопросы приводили к разным ответам.

Случай

Субъект насилия

Объект

Политическая цель

Правовая квалификация и неопределённость

Французский революционный террор, 1793–1794 годы

Государственная власть и её учреждения

Объявленные противниками революции и режима люди

Удержание власти и подавление сопротивления

Исторически — «Террор» как практика государственного насилия; это не то же самое, что современный уголовно-правовой состав терроризма.

Убийство Александра II, 1881 год

Революционная организация «Народная воля»

Император — глава государства

Политическое изменение через насилие и давление на власть

Современные историки нередко говорят о революционном терроризме; имперский суд рассматривал деяние в категориях цареубийства и государственных преступлений. Насколько оно соответствует определениям, требующим запугивания гражданского населения, — отдельный вопрос.

Война за независимость Алжира, 1954–1962 годы

Фронт национального освобождения и французские силы

Военные, полиция и, в отдельных эпизодах, гражданские лица

Прекращение колониального правления; сохранение французского контроля

Французские власти называли противников террористами; сторонники независимости видели в них участников освободительной борьбы. Ни политическая цель, ни название организации не решают вопрос о законности конкретного нападения.

Нападения 11 сентября 2001 года в США

Оперативники «Аль-Каиды»

Пассажиры самолётов и люди в зданиях

Политическое насилие, направленное на принуждение и устрашение за пределами непосредственных жертв

В большинстве международных и национальных описаний это террористические атаки. При этом уголовная ответственность конкретных лиц по-прежнему требует установления их роли и доказательств.

Бомбардировки Дрездена в феврале 1945 года

Британские и американские военно-воздушные силы

Городская инфраструктура, промышленные и транспортные объекты, жители

Военные задачи, включая нарушение транспортного сообщения и поддержку продвижения союзных войск; последствия для гражданских лиц стали предметом исторического спора

Обычно рассматриваются как воздушная операция военного времени. Выражение «террористическая бомбардировка» встречается в исторических и моральных спорах, но само по себе не устанавливает юридическую квалификацию.

Таблица не уравнивает события и не выносит заочные приговоры. Она показывает, почему одного признака недостаточно. Масштаб жертв сам по себе не делает любой акт терроризмом; политическая цель не оправдывает нападение на гражданских; статус государства не снимает вопроса о правомерности его действий. Для каждого эпизода нужно установить факты и применимые нормы.

В случае «Народной воли» особенно заметен разрыв между историческим и юридическим языком. Убийство императора было политическим насилием, но непосредственной целью стал конкретный глава государства. Если определение терроризма требует атаки на гражданское население ради его устрашения, этот эпизод подходит к нему не так просто, как, например, нападение на случайных гражданских ради воздействия на широкую аудиторию. Поэтому можно встретить понятие «революционный терроризм» в исторических работах, не превращая его автоматически в вывод о том, какой современный уголовный состав был бы применён.

Алжирский случай напоминает об опасности слова «освободительная борьба» как универсального оправдания. Стремление к независимости объясняет политический контекст, но не стирает различия между нападением на военный объект и намеренным убийством гражданских. И наоборот, осуждение нападений повстанцев не делает автоматически законными пытки, коллективные наказания или произвольное насилие со стороны государства. Для каждого действия существуют свои факты и свои правовые вопросы. Ярлык на движении не заменяет анализа отдельных эпизодов.

Дрезден ставит другой вопрос: почему массовая гибель гражданских во время военных действий обычно описывается через категории войны, а не терроризма? Один ответ — юридические системы нередко рассматривают поведение вооружённых сил в период конфликта прежде всего через нормы международного гуманитарного права: кто был целью, имел ли объект военное значение, какие последствия можно было предвидеть. Но слово «война» не служит индульгенцией. Оценка конкретных действий может включать вопросы о различении военных и гражданских объектов, необходимости и соразмерности. Спор о том, следует ли называть бомбардировку «террором», не отменяет необходимости задавать эти вопросы.

Именно здесь обнаруживается важное различие между **описанием насилия** и его **квалификацией**. Можно достоверно установить, что люди были убиты в результате нападения, но ещё не знать, кто его организовал и какую цель преследовал. Можно иметь веские основания подозревать террористический характер преступления, но не иметь достаточных доказательств для суда. Можно также установить, что деяние совершено во время войны, и всё равно выяснять, было ли оно военным преступлением. Эти выводы не заменяют друг друга.

Пять проверок вместо одного ярлыка

Чтобы не путать термины, полезно пройти по пяти вопросам.

1. Кто совершил насилие? Это отдельный человек, группа, государственная структура, вооружённые силы, посредники или несколько разных участников? Некоторые определения ограничиваются негосударственными субъектами; другие подходы допускают разговор о государственном терроризме. Но если закон конкретной страны не относит действия государства к терроризму, это не означает, что такие действия автоматически законны: для них могут применяться нормы о военных преступлениях, пытках, преступлениях против человечности или других нарушениях.

2. На кого было направлено нападение? Речь о гражданских лицах, военных, должностных лицах, инфраструктуре? Был ли человек непосредственной целью или пострадал как следствие атаки? Многие определения терроризма придают особое значение нападениям на гражданских и некомбатантов, но законы различаются в деталях. Установить принадлежность пострадавшего к той или иной категории — вопрос фактов, а не впечатления от новостей.

3. Какой цели добивались нападавшие? Политическое заявление ещё не доказывает политическую цель преступления. У преступника могут одновременно присутствовать личная неприязнь, стремление к известности и политические мотивы. Для юридической оценки важно не просто найти лозунг, а показать связь между действием и требуемой законом целью — например, запугать население или принудить власть к решению.

4. Кому предназначалось сообщение? Если непосредственные жертвы — не единственная аудитория, насилие может быть рассчитано на более широкий круг людей: жителей города, избирателей, руководство страны. Угроза становится способом давления на тех, кто не был на месте нападения. Но такую логику нельзя выводить только из того, что событие широко освещали. Нужно установить, что именно стремились сделать виновные.

5. Какие нормы действуют в данном контексте? Мирное время, вооружённый конфликт, оккупация, полицейская операция и политическое преследование — не взаимозаменяемые обстоятельства. Контекст влияет на то, какие правовые правила применимы, но не превращает незаконное в законное. Нельзя объяснить квалификацию одним словом «война» или одним словом «терроризм».

Есть и ещё одно различие, которое легко потерять в новостном потоке: назвать организацию террористической — не значит доказать вину каждого её участника, сторонника или человека, живущего в регионе конфликта. Перечни организаций могут иметь юридические последствия: ограничения на финансирование, передвижение и контакты. Но включение в такой перечень — решение конкретной власти или международного органа по определённой процедуре. Оно не является универсальным описанием всех людей, связанных с организацией, и не заменяет судебного установления вины отдельного обвиняемого.

Небольшое упражнение для читателя новостей

Возьмите сообщение, где уже использовано слово «теракт». Не проверяйте сначала, согласны ли вы с заголовком. Разделите материал на три колонки:

- **Установленные факты:** что подтверждено независимо и кем именно?
- **Предположения:** что говорят о мотивах, организаторах и целях, но пока не доказали?
- **Квалификации:** как событие называют полиция, правительство, суд, журналисты и очевидцы?

Затем задайте несколько вопросов. Кто первым употребил слово «терроризм» и что этот источник знает? Кто был непосредственной целью и кто мог быть более широкой аудиторией насилия? Известно ли что-нибудь о намерениях нападавших или пока обсуждается только возможный мотив? Происходило ли событие в условиях вооружённого конфликта? Какие другие категории могли бы описать те же факты — убийство, военное преступление, политическое насилие, нападение на инфраструктуру? И наконец: какие детали заголовков оставляет за рамками?

Полезно мысленно переписать сообщение дважды. В первой версии оставить только проверяемые действия: кто, где и что сделал, если это установлено. Во второй добавить атрибуцию: «власти квалифицировали нападение как террористический акт», «следствие проверяет эту версию», «суд признал обвиняемого виновным». Такая формулировка не ослабляет серьезность преступления. Она показывает, где заканчиваются факты и начинаются выводы.

В редакционной сцене курсор наконец движется. Не потому, что слово «терроризм» запрещено или всегда слишком громко, а потому, что оно должно выдержать проверку. Терроризм — не удобное название любого страшного события и не свойство целого народа или политического движения. Это вывод о насилии, цели, адресате и контексте, сделанный по определённым правилам. Сначала установите действие; затем спросите, по какому правилу его называют.

Страх как оружие: логика террора и его политические цели

В первый день после внезапного насилия город просыпается раньше будильников. На телефонах — сообщения от родных: «Ты где?», «Доехал?», «Напиши, когда будешь дома». В метро кто-то меняет привычный маршрут, хотя пересадка теперь неудобнее. У входа в школу задерживаются родители. В кафе разговоры обрываются, когда на экране появляется срочный выпуск новостей.

Через несколько дней улицы снова полны людей, но привычное в них изменилось. Город словно слушает тишину: прислушивается к объявлениям, к сиренам вдали, к паузам в официальных сообщениях. Большинство жителей не было рядом с местом трагедии, однако происшедшее вошло в их повседневность. Именно в этом разрыве — между непосредственным физическим вредом и его распространённым эхом — начинается логика страха как оружия.

Этот город собирательный. Он не описывает одно конкретное нападение и не подмечает собой свидетельства пострадавших. Он нужен, чтобы заметить то, что легко пропустить в новостной сводке: насилие ранит людей непосредственно, а страх способен выйти далеко за пределы места, где оно произошло.

В первой главе мы говорили о том, почему слово «терроризм» нельзя использовать вместо проверки фактов, намерений и применимого права. Здесь важно сохранить ту же осторожность. Не всякое жестокое преступление является терроризмом, а юридические определения различаются. Но когда насилие или угроза насилия рассчитаны на запугивание более широкой аудитории ради политических целей, физический эпизод становится ещё и сигналом. Его слышат не только те, кто оказался рядом. Его слышат жители города, власти, сообщества, на которые пытаются повлиять, и люди, наблюдающие за событиями издалека.

Это не означает, что страх можно точно измерить или что виновники полностью управляют реакцией общества. Напротив: в этой реакции много непредсказуемого. Но понимание того, как страх распространяется и меняет решения, помогает не спутать последствия насилия с его возможными политическими целями.

Эпизод и его эхо

У физического вреда есть конкретные носители: погибшие и раненые, их близкие, очевидцы, люди, которым предстоит долго восстанавливаться. У страха другая география. Он может появиться там, где никто не пострадал напрямую: в изменившемся расписании, в нежелании ехать на большое мероприятие, в подозрительном взгляде на незнакомца. Эти последствия не делают переживание человека «ненастоящим», но требуют различать переживание угрозы и саму угрозу.

Если однажды в здании заискрила проводка, люди могут опасаться пожара и на следующий день. Опасение понятно; само по себе оно не доказывает, что пожар продолжает угрожать. Так и после насилия тревога может сохраняться дольше, чем непосредственная опасность. Но и обратное верно: успокаивающие слова не отменяют реальных рисков, если они подтверждены. Задача — не обесценить страх и не объявить тревогу фактом, а научиться различать одно и другое.

Почему это различие так трудно? Человеческий мозг не работает как нейтральный калькулятор рисков. Яркое, недавнее событие легче вспомнить, чем множество незаметных дней, когда ничего не произошло. Поэтому оно может казаться более вероятным, чем показывают доступные данные. Психологи называют один из родственных механизмов эвристикой доступности: мы часто судим о частоте события по тому, насколько легко вспоминаем примеры. Это обычная особенность мышления, а не недостаток характера.

Неопределённость добавляет нагрузки. Когда человек не знает, безопасен ли маршрут, что подтверждено и чего ждать дальше, внимание снова и снова возвращается к поиску ответа. После сильного потрясения могут нарушаться сон и концентрация, возникать повышенная настороженность. У кого-то это проходит постепенно; кому-то нужна помощь близких или специалиста. Ни одна из этих реакций не позволяет поставить диагноз по одному наблюдению, но все они напоминают: общественная тревога складывается из множества личных переживаний.

Информационная среда тоже имеет значение. В течение дня одно и то же событие может появляться в новостной ленте десятки раз — с новыми комментариями, повторными кадрами и неподтверждёнными версиями. Частота упоминаний не обязательно говорит о том, что опасность выросла; иногда она говорит только о том, что событие стало главным предметом внимания. Однако постоянное соприкосновение с тревожными сообщениями может поддерживать ощущение, будто угроза всё ещё находится рядом. Это не значит, что новости «создают» страх из ничего или что люди одинаково реагируют на экран. Значит лишь, что способ и ритм передачи информации способны усиливать или ослаблять неопределённость.

Когда страх становится политическим сигналом

Запугивание приобретает политический смысл, когда отдельный эпизод должен повлиять на решения людей, которые не были его непосредственными свидетелями. В этом и состоит одна из особенностей террора: аудитория шире круга прямых жертв. Насилие становится сообщением, но его «прочтение» не сводится к одному варианту. Оно может подразумевать угрозу, требование, демонстрацию вражды или попытку заставить общество усомниться в способности институтов защищать людей.

У таких действий могут быть разные цели. Одни направлены на то, чтобы склонить власти к политическому решению. Другие — на то, чтобы разрушить доверие к государственным институтам или посеять вражду между группами населения. В некоторых случаях расчёт может состоять в том, чтобы вызвать чрезмерно жёсткий ответ, который усилит чувство несправедливости и отчуждения. Бывает и стремление навязать собственную повестку: сделать так, чтобы общество обсуждало происходящее только в терминах угрозы и возмездия.

Это описание логики, а не признание её эффективности. Политические намерения не равны политическому результату. Страх может подтолкнуть людей к ограничениям, которых от них добивались, но может и вызвать солидарность, взаимопомощь и отказ уступать запугиванию. Одни потребуют большего контроля, другие — защиты гражданских свобод. Многие будут одновременно хотеть безопасности и опасаться того, что ради неё начнут преследовать невиновных. Общество не движется как один человек.

Особенно хрупким становится доверие. Если представители власти сообщают разное, уклоняются от очевидных вопросов или обещают невозможную определённость, слухи получают пространство для роста. Если же люди без оснований обвиняют целую общность в действиях отдельных лиц, частный случай может превратиться в оправдание коллективного подозрения. Так страх способен менять не только чувство безопасности, но и язык, которым общество описывает друг друга.

И всё же нет неизбежной цепочки «насилие — паника — политическое поражение». Ответ зависит от множества обстоятельств: от опыта сообщества, качества институтов, доступности достоверной информации, поведения лидеров и СМИ, наличия поддержки для пострадавших. Иногда удар усиливает разобщённость; иногда на короткое или долгое время сплочает людей. Иногда требования о безопасности приводят к мерам, которые общество позднее пересматривает. Анализ начинается там, где мы замечаем эти возможности, а не объявляем одну реакцию единственно возможной.

Карта последствий страха

Представим последствия в виде карты из четырёх уровней. Она полезна не для того, чтобы поставить обществу диагноз, а чтобы не свести сложный кризис к одной цифре или одному эмоциональному слову.

Личный уровень. Что изменилось в повседневной жизни? Кто-то проверяет сообщения чаще обычного, избегает отдельных мест или не может сосредоточиться. Важно спросить себя: что я знаю наверняка, чего опасаясь и какой конкретный шаг поможет мне сегодня? Иногда таким шагом будет проверка маршрута по официальному источнику. Иногда — перерыв от новостной ленты, разговор с близким человеком или обращение за профессиональной помощью. Не каждый испуганный человек нуждается в лечении, но страдание не становится пустяком оттого, что его не видно со стороны.

Общественный уровень. Что происходит с отношениями между людьми? Возникают ли взаимопомощь и забота или, напротив, растут подозрение и поиск виноватых среди целых групп? Кто рискует столкнуться с травлей, стигмой или несправедливым обращением? Здесь важно замечать не только громкие заявления, но и бытовые последствия: стало ли безопаснее просить о помощи, разговаривать с соседями, пользоваться общими пространствами.

Политический уровень. Какие решения принимаются от имени безопасности? На какие вопросы отвечают новые правила, а какие остаются без ответа? Соразмерны ли меры подтверждённому риску, понятны ли их основания, можно ли обсуждать и пересматривать их? Это не призыв отвергать меры защиты. Это способ не подменять вопрос «что действительно помогает?» вопросом «что выглядит решительным?».

Информационный уровень. Что известно, что предполагается и что пока не подтверждено? Кто источник сообщения? Изменилось ли положение с момента публикации? Не повторяем ли мы слух только потому, что он эмоционально убедителен? Информация — тоже часть среды безопасности. Если подтверждённое перемешано с догадками, тревоге труднее найти границы.

Можно выполнить короткое упражнение: нарисовать четыре поля и записать в каждом три вещи — подтверждённый факт, своё опасение и полезное действие. Например: «Факт: официально сообщено о закрытии участка маршрута. Опасение: я не знаю, как долго это продлится. Действие: проверю расписание транспорта перед выходом». Такое разделение не гарантирует спокойствия, но помогает не выдавать предположение за новость, а тревожную мысль — за предсказание.

Для журналиста или сотрудника учреждения та же карта задаёт другие вопросы: кого затрагивает сообщение, какие последствия может иметь неточность, кому ещё нужно предоставить практическую информацию? Для обычного читателя она полезна как защита от мгновенного распространения версии, в которой много эмоций, но мало проверяемых фактов.

Практика спокойной точности

Ответственная коммуникация не означает говорить тихо, безучастно или канцелярским языком. Она означает не добавлять к реальной беде выдуманную определённость.

Первый принцип — отделять установленное от неизвестного. Если сведения ещё проверяются, честнее сказать об этом, чем заполнить паузу догадкой. Второй — регулярно обновлять информацию и отмечать, когда изменилось положение, а когда появилась только новая интерпретация. Третий — давать людям полезные, конкретные ориентиры: где искать официальные сведения, какие службы готовы отвечать на вопросы, куда обратиться пострадавшим и свидетелям. Четвёртый — не распространять неподтверждённые обвинения и не превращать принадлежность к группе в доказательство причастности.

Есть и правило для личного потребления новостей: выбрать несколько надёжных источников и проверять обновления в определённое время, а не ловить каждый новый сигнал. Это не обязанность отвернуться от происходящего. Это способ не позволить потоку сообщений занять всё внимание, нужное для работы, отдыха и заботы о других. Если тревога мешает спать,

учиться или выполнять обычные дела, уместно обратиться за поддержкой — к близкому человеку, медицинскому специалисту или службе помощи, доступной в вашем регионе.

Публичным институтам особенно важно не требовать доверия, а заслуживать его последовательностью: признавать ошибки, объяснять основания решений, не скрывать важные ограничения знаний. Точность не всегда успокаивает немедленно. Иногда правдивая информация неприятна. Но доверие не строится на обещании, что опасность невозможна; оно строится на понятном объяснении того, что известно, что делается и где проходят границы уверенности.

Такое спокойствие — не покорность и не забвение. Оно оставляет место скорби, гневу и требованию справедливости, но не отдаёт им право автоматически определять факты. Страх можно признать, не позволяя ему выбирать за нас виноватых, решения и слова.

Со временем в собирательном городе из начала главы возвращаются обычные звуки: автобус тормозит у остановки, кто-то звонит другу, в кафе обсуждают не только новости. Тишина не исчезает по приказу. Она постепенно перестаёт быть единственным, что люди слышат. Физический вред не отменяется, а погибшие и пострадавшие не становятся строчкой в чужом рассуждении. Но общество может не дать насилию без остатка определить свою повседневность.

Страх — реальная часть последствий, но не окончательный приговор. Когда мы различаем ущерб и его политическое эхо, когда отделяем риск от чувства угрозы, а подтверждённое — от предположений, у нас появляется пространство для решения. Не для безразличия, а для ясности. И именно в этом пространстве начинается сопротивление запугиванию: не в уверенности, что ничего не случится, а в отказе позволить страху говорить от имени всей правды.

История террора: от древних империй до современного мира

В музейном зале, где слышно, как шаги посетителей гулко отдаются под сводами, стоят рядом три предмета. На первом — древняя имперская надпись о победе и наказании мятежников. На втором — революционная прокламация, оправдывающая чрезвычайные меры спасением республики. На третьем — газетная полоса с современным сообщением о нападении. Это не три звена одной непрерывной цепи. Между ними — тысячелетия, разные государства, разные представления о праве и разные способы узнавать о случившемся. Но все три предмета задают похожий вопрос: кто должен увидеть насилие — и что увидеть в нём?

Чтобы ответить, мало перечислить убийства, казни, мятежи и войны. Нужно смотреть, кто обладал властью, кого стремились утратить, каким путём распространялась информация и как сами участники называли происходящее. Именно такая шкала позволяет говорить об истории политического устрашения, не объявляя всякое насилие в прошлом «терроризмом» в сегодняшнем смысле.

Империя: власть, которую видно издалека

Для древней империи власть должна была быть не только установлена, но и представлена. Подданный в отдалённой провинции мог никогда не увидеть царя; зато он мог услышать о поражении соседнего города, увидеть царский рельеф или прочесть надпись о том, что бывает с непокорными.

Ассирийские царские надписи и изображения показывали победу как доказательство порядка: правитель покорил врагов, восстановил установленный богами мир, защитил державу. На рельефах встречались изображения пленников и наказаний. Такие образы могли служить предупреждением соперникам и подданным, но читать их как точный отчёт обо всех событиях было бы ошибкой. Царская надпись — не беспристрастный протокол: она прославляла правителя и объясняла, почему его власть законна.

Аудитория такого послания была шире непосредственных свидетелей наказания. Ею становились жители провинций, чиновники, военные элиты, потенциальные противники. Каналы распространения были медленными и ограниченными — памятники, надписи, устные рассказы, административные распоряжения, — но сообщение могло жить долго. Империя стремилась внушить не только страх перед конкретной карой, но и представление о неизбежности власти.

В I веке нашей эры в римской Иудее действовали сикарии — участники сопротивления римскому господству, о которых писал историк Иосиф Флавий. Он изображал их как опасных убийц, однако его свидетельство создавалось после подавления восстания и отражало собственную политическую позицию автора. В их случае насилие могло быть направлено против определённых людей и одновременно иметь более широкое политическое значение: показать, что римская власть уязвима, а сопротивление возможно. Но называть их «террористами» без оговорок — значит переносить современную категорию в мир с иными законами, политическими институтами и представлениями о войне.

Итог периода: древние государства использовали видимое наказание как сообщение о власти, а противники государства могли превращать насилие в знак неповиновения. Сходство отдельных механизмов не делает эти практики одним и тем же историческим явлением.

Средневековье и раннее Новое время: репутация, вера, наказание

В средневековых обществах сообщения распространялись через проповедь, хронику, посольство, рынок и слух. Репутация иногда опережала войско: рассказы о жестокости завоевателя могли побуждать к покорности ещё до его появления. Монгольские завоевания пока-

зывают, насколько тесно реальная военная сила переплеталась с таким эффектом. Однако средневековые хроники нередко создавались победителями, противниками или очевидцами, передававшими чужие рассказы. Числа жертв и описания событий требуют осторожной проверки: устрашающее повествование могло быть частью исторической памяти, а не точной статистикой.

Другой пример — низаритские исмаилиты, которых европейские авторы и позднейшая популярная культура часто сводили к образу «ассасинов». История политических убийств, связанных с этой общиной, обросла легендами; некоторые привычные объяснения самого названия остаются спорными. Важно не принимать враждебные средневековые рассказы за нейтральные свидетельства и не путать выборочные убийства политических противников с современным насилием, рассчитанным на массовую аудиторию.

Тем временем государства и местные правители устраивали публичные казни, а религиозные и гражданские власти применяли суровые наказания против тех, кого считали угрозой установленному порядку. Устрашение могло исходить от государства, общины или повстанцев — но смысл наказания определялся местными представлениями о вере, верности и законности. Для современного наблюдателя жестокость этих практик очевидна; для исторического анализа важно ещё и понять, кто имел право карать и кто признавал это право.

Печатный станок постепенно расширил аудиторию политических сообщений. Теперь воззвание или рассказ о расправе мог воспроизводиться в нескольких экземплярах, пересекать границы и вмешиваться в споры о власти. Но распространение информации оставалось несравнимым по скорости с современными СМИ: между событием и его общественным образом по-прежнему пролегли дороги, цензура и время.

Итог периода: страх перед насилием поддерживали и само событие, и рассказы о нём. Однако слова «закон», «враг» и «мятеж» здесь имели исторически конкретный смысл — их нельзя автоматически переводить на язык нынешнего политического права.

Когда «террор» стал именем государственной политики

Перелом произошёл во время Французской революции. В 1793–1794 годах, в период, обычно называемый Террором, революционные власти оправдывали чрезвычайное принуждение защитой республики от внутренних и внешних врагов. Границы этого периода историки определяют по-разному, но сам факт важен: террор не просто описывал следствие насилия. Он стал названием политического метода, который часть революционных деятелей считала допустимым средством управления.

Государственные учреждения, чрезвычайные законы и революционные трибуналы превратили наказание в элемент политики. Власть стремилась не только устранить конкретных противников, но и показать, что республика способна карать измену. Публичная казнь и печатное сообщение о ней обращались к аудитории, которой нужно было доказать: новый порядок защищает себя.

При этом историки спорят о том, насколько уместно считать революционный Террор ранней формой «государственного терроризма». Термин «терроризм» в современном политическом употреблении закреплялся постепенно и менял значение. Французский пример особенно показателен: слово, которое позднее часто звучало как обвинение против негосударственных противников, первоначально могло описывать практику самой власти.

Здесь заметно важное различие. Государственное принуждение обладает административными ресурсами: законами, судами, чиновниками, полицией и возможностью объявить собственные действия легитимными. У подпольной группы таких ресурсов обычно нет. Это различие не оправдывает насилие одной стороны и не отменяет вреда другой. Оно помогает увидеть, что власть и доступ к публичному слову распределены неравномерно.

Итог периода: история террора — это не только история нападений на государство. Иногда страх становится официальным инструментом самого государства, а спор о названии превращается в спор о праве на насилие.

XIX век: город, печать и политический жест

В XIX столетии промышленный город, массовая газета и телеграф изменили масштаб политического эха. Событие могло произойти в одном месте, а его образ — за короткое время разойтись по стране и стать предметом международного спора. Новые технологии не создали политическое насилие, но изменили его аудиторию: теперь ею могли быть читатели, никогда не видевшие места происшествия.

В некоторых революционных и анархистских кругах обсуждалась идея «пропаганды действием»: насильственный поступок мыслился как политический знак, способный заявить о несправедливости или мобилизовать сторонников. Но это направление нельзя приписывать всему анархистскому движению: оно было разнообразным, и многие его участники отвергали индивидуальное насилие. Убийство российского императора Александра II членами «Народной воли» в 1881 году было актом революционной борьбы в конкретном российском контексте, а не поводом смешивать все антиправительственные движения с одной идеологией.

Газетная хроника умела совершать двойное действие. Она сообщала о событии, но одновременно превращала его в публичную драму: кто пострадал, кто виновен, чего теперь следует бояться и какую политику нужно принять. Государства отвечали усилением надзора и наказаний; оппозиционные движения могли использовать репрессии как доказательство несправедливости власти. Так возникала обратная связь, в которой насилие, страх, ответные меры и новые рассказы о насилии подпитывали друг друга.

Итог периода: массовая пресса расширила аудиторию политического насилия далеко за пределы его непосредственных свидетелей. Но одинаковое газетное внимание не означало одинаковой власти: государство и подпольная организация по-прежнему располагали разными средствами воздействия.

XX век: государственный террор и борьба за название

В XX столетии понятие «государственный террор» стало способом описывать не только зрелищное наказание, но и повседневную систему страха. При нацистском режиме и в сталинском Советском Союзе репрессии включали аресты, казни, заключение, депортации и слежку. Человеку не всегда требовалось увидеть насилие, чтобы бояться его: достаточно было знать о непредсказуемости обвинения и исчезновении соседей. Аудиторией становилось всё общество — в том числе люди, которых ещё не преследовали.

Историки и правоведы не всегда одинаково используют выражения «государственный террор» и «терроризм». В обыденной речи терроризм чаще связывают с негосударственными акторами и политически мотивированным насилием против гражданских лиц. «Государственный террор» обычно подчёркивает систематическое применение страха самой властью. Эти понятия пересекаются в разговоре о принуждении, но не взаимозаменяемы: их важно определять, прежде чем делать выводы.

После Второй мировой войны освободительные и революционные движения боролись против империй и государств, а правительства называли противников преступниками, мятежниками или террористами. В Алжирской войне 1954–1962 годов насилие применяли участники Фронта национального освобождения, а французские власти вели жестокую контрповстанческую кампанию, включавшую пытки и репрессии. Условия сторон были неравными: одна сторона представляла колониальную власть, другая боролась против неё. Это различие необходимо учитывать, не превращая его ни в оправдание нападений на гражданских, ни в разрешение игнорировать государственное насилие. Политический ярлык часто был частью борьбы за легитимность, а не итогом спокойной юридической проверки.

С появлением радио, телевидения и международных новостей всё большее значение приобрёл удалённый зритель. Событие могло быть рассчитано не только на непосредственных участников конфликта, но и на правительства, сторонников, противников и аудиторию в других странах. В последней трети XX века телевидение сделало такое дальнейшее присутствие особенно заметным. Однако сам факт, что кадры увидели миллионы, ещё не доказывает, каким именно было намерение совершивших насилие и чего они добились политически.

От телеэкрана к сетевой среде

Теракты 11 сентября 2001 года показали, как современное насилие может одновременно причинять огромный физический вред и становиться событием мировой коммуникации. Затем последовали политические решения, войны и расширение мер безопасности, которые изменили жизнь далеко за пределами места атаки. Но даже в этом случае нельзя сводить историю к простой формуле «нападение вызвало нужный нападавшим результат»: общественная реакция складывается из многих решений и не подчиняется полностью планам какой-либо одной стороны.

В цифровую эпоху сведения, изображения и призывы распространяются через платформы, где сообщение может быстро выйти из первоначального контекста. Появилась возможность обращаться к разрозненной аудитории без традиционных редакций и границ. Вместе с тем интернет не отменил старых механизмов: по-прежнему важны авторитет источника, доверие, политическая поляризация и решения властей о том, как реагировать. Новым стал не страх сам по себе, а среда, в которой он может мгновенно усилиться, исказиться или столкнуться с проверкой фактов.

Как пользоваться историей, не превращая её в аналогию

Вот практическое упражнение. Возьмите газетный заголовок о современном политическом насилии — или музейную подпись к любому из предметов, с которых начинается глава, — и задайте четыре вопроса:

1. Власть: кто совершил насилие и какими ресурсами располагал? Был ли это государственный аппарат, вооружённая организация, отдельный участник или несколько разных сил?

2. Аудитория: кому был причинён прямой вред, а кого могли стремиться напугать или убедить? Что в этом известно, а что мы лишь предполагаем?

3. Коммуникация: кто первым сообщил о событии, по каким каналам оно распространилось и какие детали пока подтверждены?

4. Контекст: какими словами называли случившееся сами участники, их противники и независимые исследователи? Есть ли у этих слов правовое значение — или перед нами политическая оценка?

Затем попробуйте сравнить событие с любым эпизодом из прошлого. Вместо фразы «это то же самое, что...» проверьте, что именно совпадает: цель, устройство власти, отношение к гражданским, аудитория, канал распространения или правовой контекст. Если совпал только один признак, перед вами полезное сопоставление, но не тождество.

Период

Кто обладал властью и кого могли устрашать

Основные каналы

Что нельзя упускать

Древние империи

Цари и администрации; подданные, соперники, восставшие

Надписи, изображения, устная молва

Государственное наказание и сопротивление ему — разные явления

Средневековье и раннее Новое время

Монархи, религиозные и местные власти, противники режима

Хроники, проповеди, посольства, ранняя печать

Источники могли быть пристрастны, а поздние легенды — влиять на память

Французская революция

Революционное государство и его противники

Законы, суды, прокламации, печать

«Террор» становится названием политики власти

XIX век

Государства, революционные движения, отдельные участники

Массовая пресса, телеграф

Широкая известность события не равна его политическому успеху

XX век

Государства и негосударственные движения

Радио, кино, телевидение, международные новости

Государственный террор и терроризм не следует автоматически смешивать

XXI век

Государства, организации и отдельные участники

Глобальные СМИ и цифровые платформы

Скорость распространения повышает значение проверки и контекста

Через века проходит не одна неизменная «машина террора», а набор механизмов, которые каждый раз собираются заново: наказание как предупреждение, насилие как знак, слух как усилитель, медиа как расширитель аудитории. В разные эпохи менялись власть, право, техника и язык легитимности. История помогает узнавать повторяющиеся приёмы, но не освобождает от проверки различий. Поэтому, встречая слово «терроризм», стоит сначала спросить не только «что произошло?», но и «кто называет это так, по каким признакам и в каком контексте?». Только тогда прошлое становится не складом громких аналогий, а инструментом ясного мышления.

Идеология, идентичность и оправдание насилия

На кухонном столе лежит старый газетный лист. Бумага пожелтела, сгиб рассыпается под пальцем. На фотографии — площадь у Соляной пристани, люди в пальто, поднятые руки, дым над крышами. Несколько десятилетий назад здесь силовики открыли огонь по демонстрации. Погибли люди; кто именно отдал приказ и можно ли было предотвратить трагедию, историки спорят до сих пор.

— Это был день, когда наши перестали молчать, — говорит Марк, отец семейства. В его голосе слышна гордость за рабочих, которые вышли требовать справедливости.

Его мать, Вера, долго смотрит на снимок.

— Для меня это день, когда не вернулся дед, — отвечает она. — Я не умею гордиться тем, что его убили.

Внучка Лена переводит взгляд с одного на другую:

— А почему я должна считать это и своей гордостью, и своей болью? Я ведь там не была.

Все трое говорят об одном событии. Но оно стало для каждого разным: символом сопротивления, семейной утратой, вопросом о том, что потомки обязаны — или не обязаны — унаследовать от прошлого.

Так обычно и действует историческая память. Она не лежит в обществе неподвижным камнем. Её передают, толкуют, оспаривают, иногда используют как доказательство того, что нынешняя обида справедлива, а будущее насилие неизбежно. Между памятью и насилием, однако, нет прямого провода. Между ними — решения, слова, отношения, политические обстоятельства и человеческая ответственность.

Идеология как карта, а не приговор

Идеологию часто представляют как готовую инструкцию, которая берёт человека под контроль. Но полезнее думать о ней как о карте: она отмечает, где находится источник бед, кто несёт ответственность, что означает принадлежность к сообществу и какие действия кажутся допустимыми. Одна карта может помочь увидеть несправедливость и найти мирный путь её исправления. Другая — сузить мир до двух лагерей и объявить насилие единственным выходом.

Сами вопросы, на которые идеология отвечает, важны и законны. Почему одни районы годами получают меньше ресурсов? Почему одни жертвы услышаны, а другие забыты? Кто определяет, чья речь считается угрозой, а чья — порядком? Человек может задавать такие вопросы, не стремясь причинить кому-либо вред. Политическая критика — не признак радикализма, а неотъемлемая часть общественной жизни.

Опасный сдвиг происходит не в тот момент, когда появляется сильная обида или чувство принадлежности, а когда к ним добавляют разрешение на насилие. Чтобы распознать этот сдвиг, полезно различать три вещи: **описание проблемы, объяснение через идентичность и оправдание вреда.**

Например: «Наш район десятилетиями недополучал помощь» — утверждение о проблеме. Оно может быть истинным или ошибочным, но его можно проверять по бюджетам, решениям, свидетельствам жителей. «С людьми из нашего района обращаются как с людьми второго сорта» — объяснение через общую принадлежность; оно тоже заслуживает внимательной проверки и разговора. А вот «любой, кто относится к противоположной группе, заслуживает расплаты» — уже не описание несправедливости, а моральное разрешение причинять вред.

Эти фразы иногда произносятся в одном выступлении, почти без паузы. Именно поэтому нужно слушать не только **о чём**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.